

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ ОХОТНИКИ ЮГА ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

В пределах Прикаспийской низменности одним из наиболее изученных в археологическом отношении районов является южная часть Волго-Уральского междуречья (Рын-Пески). Значительный объем информации накоплен по наиболее раннему этапу освоения человеком этой территории в постхвалынское время. Хронологически этот период соответствует эпохе мезолита.

В 70 гг. А.Н.Мелентьев впервые выделил на основе собранных в ходе разведочных работ подъемных материалов раннее мезолитическое звено сероглазовской неолитической культуры¹. Исследователь считал разделение памятников на две хронологические группы условным, поскольку изменение сероглазовской индустрии имело, по его мнению, плавно-эволюционный характер и было стабильным по основным морфологическим чертам на всем периоде развития культуры². При дальнейшем накоплении и анализе материалов ожидалось выделение и средних, промежуточных хронологических звеньев³.

Методологическая спорность выделения общей для двух различных эпох культуры, крайняя ограниченность привлеченных материалов конкретных стоянок придала гипотетичность многим выводам исследователя и отразилась на степени решенности основных культурологических проблем мезолита-неолита региона.

Целенаправленный поиск памятников каменного века в 80 гг. в ходе работ экспедиции Самарского пединститута позволил за относительно короткий срок создать прежде всего качественно новую источниковедческую базу. На обследованной территории было выявлено более 30 памятников этого времени. Впервые, кроме развешанных стоянок, были исследованы поселенческие комплексы с сохранившимся *in situ* культурным слоем. И если мезолитические слои встречались крайне редко и были весьма фрагментарны, то неолитические стоянки были раскопаны значительными для аридных районов площадями. Наличие гумусированных слоев с очага-

* Автор работал при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект □96-01-00151

ми и остеологическими остатками значительно повысило информативность источников, а проведенные на них комплексные естественно-научные исследования дали ценные сведения о динамике климатических и ландшафтных изменений, абсолютной хронологии ряда памятников, хозяйственной деятельности древнего населения.

Публикация в полном объеме материалов исследованных стоянок с детальной сравнительно-типологической и культурной интерпретацией⁴ позволяет нам лишь в общем виде остановиться на характерных чертах североприкаспийского мезолита и более подробно затронуть не освещавшиеся ранее аспекты его проблематики. Наличие хорошо документированных неолитических памятников (Кугат, Кулагайси, Каир-Шак I-III, Тентек-сор) позволяет в настоящее время четко выделять чисто мезолитические комплексы, иногда даже из смешанных подъемных материалов, по таким показателям, как вид сырья, технология расщепления, характер заготовок, набор морфологических орудийных типов, вторичная обработка. К наиболее общим чертам мезолитической кремневой индустрии можно отнести высокий уровень пластинчатости и микролитоидности, специализацию на изготовление вкладышей. Набор орудий традиционен для эпохи: концевые скребки на пластинах, угловые резцы и резчики, пластины с прямо и кососрезанным притупленным концом, геометрические микролиты в виде сегментов, в том числе с двусторонней обработкой дуги, параллелограммов, трапеций и реже, треугольников. Наиболее ярким отличительным признаком, фиксирующим культурную специфику местного мезолита на фоне материалов сопредельных территорий, является устойчивое сочетание “сегмент-параллелограмм” в геометрическом комплексе стоянок. В качестве неперменного элемента в изготовлении пластинчатых вкладышей следует отметить уплощающую “сероглазовскую” ретушь.

Несмотря на общность многих технико-типологических характеристик, среди мезолитических стоянок левобережья Волги отчетливо выделились две группы, получившие в литературе название “жекалганской” и “истайской”, которые кроме некоторых различий в географическом и высотном расположении памятников имели ряд существенных отличительных черт в сырьевой базе, технологии и инвентарном наборе кремневых комплексов⁵ (рис. 1-

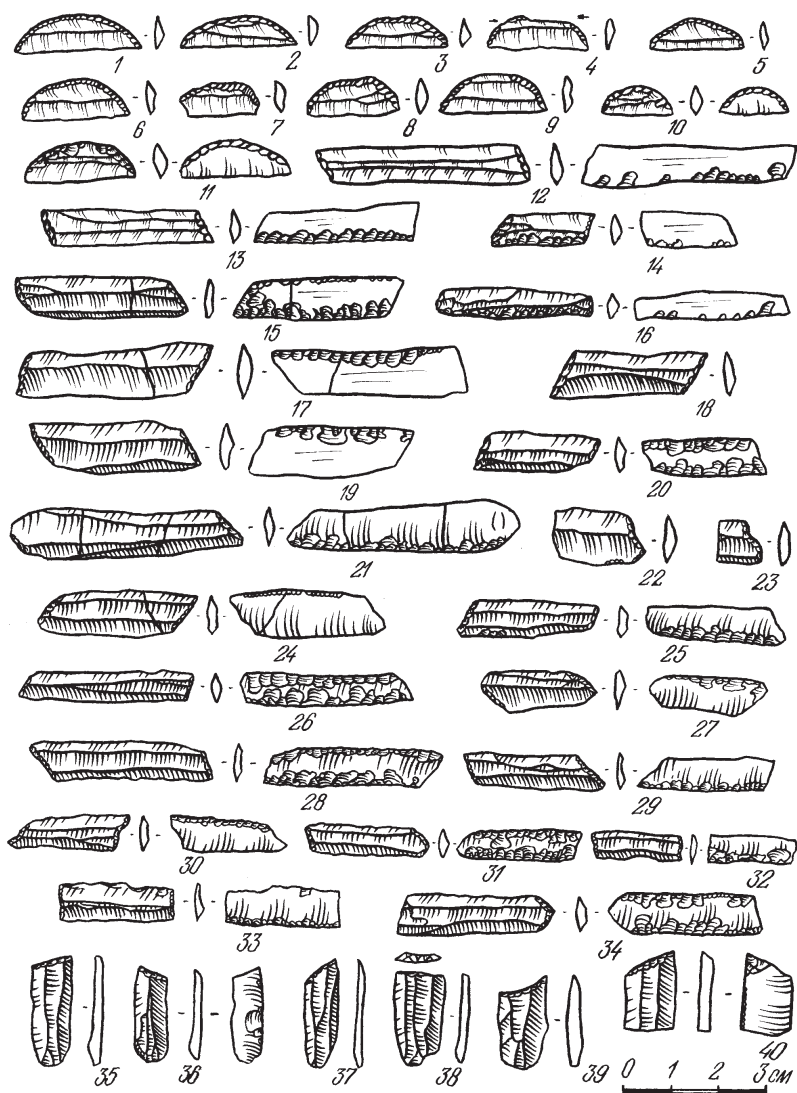

Рис.1. Микролиты жекалганской группы.

Же-Калган II (1-3, 10-13, 18, 35, 40); Кок-Мурун (4, 27-29, 32); Кадыр-Гали-
 Стау (5, 17, 22, 23, 39); Жол-Тюбе (6, 7, 14-16, 19, 37, 38); Каир-Шак V (8, 9, 20,
 21, 24, 25); Буровая 22 (26, 34, 36); Буровая 53 (30, 31, 33).

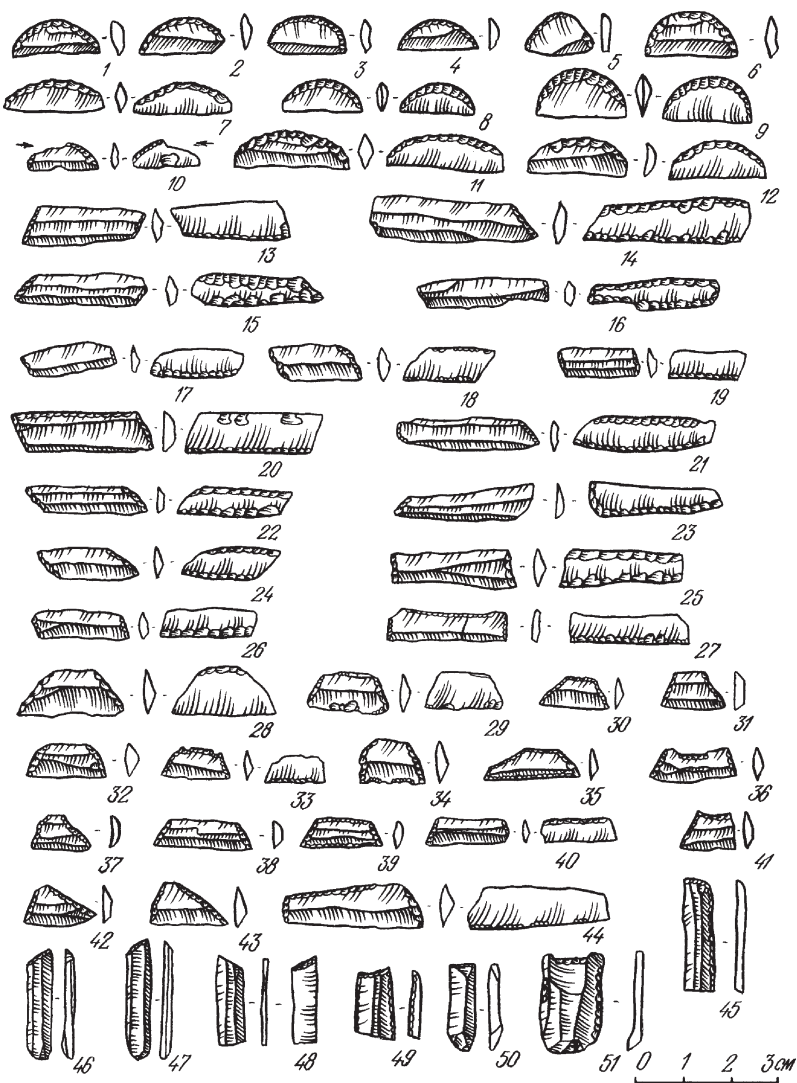

Рис.2. Микролиты истайской группы

Истай I (1, 28); Истай IVa (7, 13-15, 45), Истай IVб (2, 5, 8-10, 16, 36-39, 42, 43, 48, 49); Истай IV80 (41); Истай Va (3, 11, 31, 32); Истай Vб (17, 18, 20, 21, 40); Истай Vв (19, 27, 34, 46, 47); Сук-гэ (6, 12, 25, 33, 35); Шонай III (4); Шонай VIII (50); Тау-Тюбе Сев. (22-24); Буровая 40 (44); Шортамбай (29, 30).

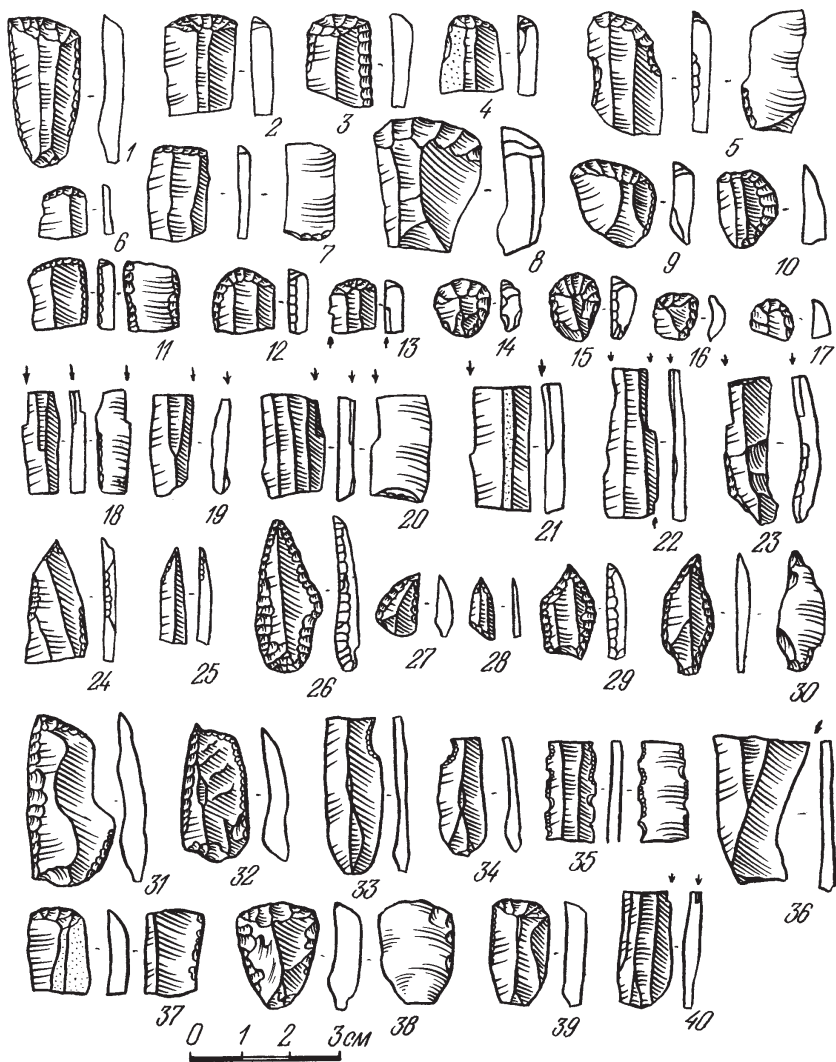

Рис.3. Типичные орудия *жекалганской* (31-40) и *истайской* (1-30) групп. Кадыр-Гали Стау (31-34), Же-Калган II (35); Комбак-гэ (36, 40). Жол-Тюбе (37, 38), Кок-Мурун (39); Истай I (10, 11, 26); Истай IV 80 (18, 20-22), Истай IVa (24); Истай IVb (13, 15-17, 27, 28); Истай Va (4, 12); Истай Vb (1-3, 9, 29), Сук-гэ (5-8, 19), Шонай III (14), Шонай IV (30), Шонай VIII (23).

3). Наличие локальных групп говорило в пользу культурно-индустриальной вариабельности мезолитического населения этого района. Новый круг материалов и выделение перечня диагностирующих признаков для мезолитических и неолитических комплексов не позволяет сейчас соединять в единый культурный пласт материалы этих двух эпох и рассматривать развитие далеко не монолитной кремневой индустрии исключительно как плавно-эволюционное. Таким образом, “сероглазовская” единая мезо-неолитическая культура в том виде, как она была выделена А.Н.Мелентьевым, может рассматриваться в настоящее время только как историографическое явление. Более корректным может считаться утверждение о наличии единой “сероглазовской мезо-неолитической индустриальной традиции”, сформировавшейся на поликомпонентной истайско-жекалганской базе. Последняя, в свою очередь, отражает вариативность типов культурно-хозяйственной адаптации населения. Сохранение самого термина “сероглазовская” возможно также по отношению к упоминаемому типу ретуши, который действительно является своеобразной визитной карточкой данных пластинчатых комплексов.

Процесс сложения местного неолита таким образом связан со взаимодействием носителей “жекалганской” и “истайской” индустриальных традиций, которые выступают в качестве двойного субстрата. В последние годы был сделан более детальный технологический и трасологический анализ кремневого инвентаря мезолитических стоянок⁶, который позволил конкретизировать ряд наблюдений, сделанных ранее, относительно соотношения и характера взаимоотношений двух групп и, главное, получить новую информацию для решения круга проблем реконструктивного плана, а именно рода хозяйственной деятельности мезолитического населения и его поведенческих стереотипов. Факт наличия двух групп мезолитических стоянок связывался исследователями с поэтапным характером заселения Северного Прикаспия в раннем голоцене⁷. Отмеченный относительный “архаизм” жекалганского инвентаря (ориентация на более крупную, чем у истайцев пластину, ограниченный орудийный набор, особенно в типах геометрических микролитов, представленных исключительно сегментами низких вытянутых пропорций с односторонней обработкой дуги и параллелограммами) позволил предполагать более древний воз-

раст этих памятников и искать отражение в них более ранней миграционной волны. Вторая волна, истайская, могла идти или следом за первой, или даже частично накладываться по времени. В пользу ее более позднего возраста говорил высокий уровень микролитоидности, типологическое разнообразие вкладышевых орудий, особенно геометрических (сегменты с односторонней и двусторонней обработкой дуги, симметричные и асимметричные трапеции, прямоугольники, параллелограммы, треугольники), близость этого набора к ранненеолитическим комплексам (Кугат, Кулагайси)⁸.

Наличие контактов между группами наглядно иллюстрировалось фактами заимствования некоторых типов орудий ("жекалганцами" - сегментов с двусторонней обработкой дуги), которые не могли остаться незамеченными при ярко выраженном различии в сырьевой базе двух групп. Общие черты в облике инвентаря и совпадение некоторых определяющих типов объяснялись единым генетическим корнем "жекалганцев" и "истайцев", а заселение освободившейся от моря территории междуречья в целом связывалось с процессом сегментации кавказско-переднеазиатского культурного ядра.

Обработка данных мезолитических коллекций экспериментально-трасологическим методом дополняет сложившуюся картину и позволяет предложить модели традиционного хозяйства мезолитических охотников данного региона. Последнее возможно при реконструкции всей цепи изготовления-использования орудий во взаимосвязи ее технологического и функционального звеньев. Именно в этой последовательности и излагаются результаты.

В качестве основы для оценки технологии расщепления была выбрана схема Ю.Е.Гири и П.Е.Нехорошева⁹. Критериям, предъявляемым к продуктам отжимного расщепления, отвечало подавляющее большинство заготовок истайских стоянок и ряд жекалганских пластинок. Процесс камнеобработки у жекалганского населения оказался более сложным и в настоящее время может реконструироваться как ступенчатый. На первой стадии ударом снимались длинные и широкие первичные и полупервичные сколы, в результате чего формировалась грубопризматическая поверхность расщепления. Первый этап заканчивался формированием бокового "ребра". Затем процесс расщепления возобновлялся уже в технике отжима. Характерной осо-

бенностью снятия пластин-заготовок у жекалганцев являлось то, что производилось оно с $2/3$ либо с $1/2$ части возможной поверхности расщепления, в результате чего нуклеус приобретал уплощенный вид (рис. 4). Именно поэтому среднее значение ширины пластины с жекалганских стоянок было несколько больше, чем на истайских, население которых использовало отжим, практикуя снятие пластин-заготовок по всему периметру ядрища, которое приобретало в результате карандашевидную форму. (рис. 4) Процесс расщепления истайской группы включал на стадии формирования пренуклеуса определенное количество технологических сколов, как продольных, так и поперечных. Но, в отличие от жекалганской группы, эти сколы носили аморфный характер. Такие различия в схеме обработки камня отчасти можно объяснить некоторыми особенностями в исходном сырье (то есть использованием истайцами в ряде случаев галечных конкреций). Но преобладание отжима в расщеплении отражает, на наш взгляд, в первую очередь, определенную культурную традицию. Последствия такой незначительной разницы в технологии более явно проступают на уровне использования заготовки в работе. Известно, что тонкое лезвие отжимной пластины не способно выдержать больших функциональных нагрузок вследствие малого угла заострения. Это отразилось на особенностях износа некоторых категорий инвентаря. Так, практически все концевые скребки, столь характерные для истайских памятников, обломаны в процессе функционального износа, степень которого значительно выше на тех немногочисленных экземплярах, которые дошли до нас в не обломанном виде (рис. 10). Другой категорией инвентаря, где ясно наблюдаются последствия работы слишком тонким лезвием по твердому материалу, являются скобели. На стоянках Истай Vб, Истай IV, Суек-тэ зафиксирован тип скобеля, работа которым производилась угловой частью обломанной пластины. В данном случае перед нами факт непроизвольного укрепления лезвия дополнительным ребром жесткости. О том, что подобная практика не была случайной, свидетельствует небольшая, но показательная серия скобелей, лезвие которых намеренно укреплено скребковой ретушью и исполненных в типологическом плане в виде концевого скребка.

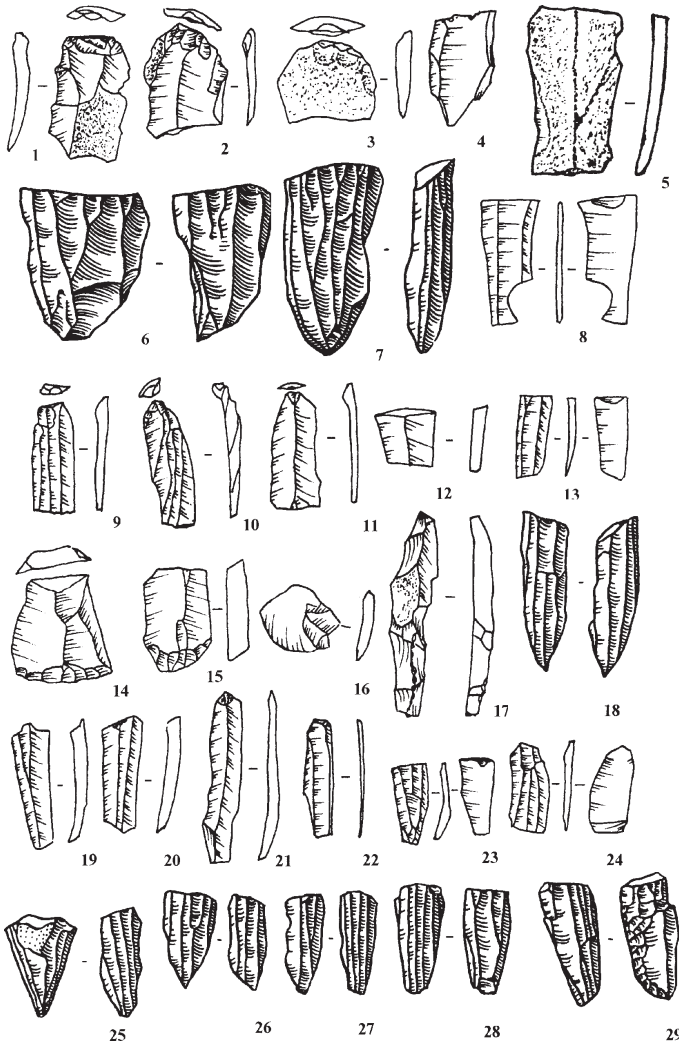

Рис.4. Технологические параметры каменной индустрии в мезолите Северного Прикаспия.

1-5 - первичные и полупервичные пластины, снятые ударом (Же-Калган); 6-7- нуклеусы (Комбактэ, Же-Калган II); 8-13 - отжимные пластины-заготовки на памятниках Же-Калгана; 14-16 - применение удара на памятниках истайской группы; 17-29 - продукты отжимного расщепления.

Получение более узких заготовок отразилось и на той части инвентаря стоянок, которая может быть отнесена к охотничьему вооружению. Основной формой охотничьего вооружения и у “истайцев”, и у “жекалганцев”, судя по некоторым характерным следам износа, были лук и стрелы. Последние могли оснащаться, исходя из параметров вкладышей, крупными или малыми формами головок наконечников. В материалах жекалганских памятников отчетливо прослеживается традиция использования крупного калибра во вкладышевом наконечнике (рис. 5-7). Они были изготовлены из широких пластин, подработанных в 90% случаев сероглазовской ретушью и оформлены в виде короткого параллелограмма и 2-3 вкладышей в качестве элементов сложносоставного лезвия. Таким образом, в жекалганских комплексах стандарт оснащения стрел един, но в двух различных вариантах исполнения. Первый - один наконечник крупного калибра; второй - малокалиберная головная часть плюс, судя по количественному соотношению, в комплексе два вкладыша.

Такое оснащение требует костяной или деревянной основы наконечника. Косвенно это подтверждается следами на обратной стороне геометрических вкладышей, фиксируемыми под микроскопом. Не случайно при этом и оформление орудия сероглазовской ретушью, которая могла наноситься с целью выправления профиля вкладыша или, скорее всего, для подгонки его в оправу.

Истайские охотники также пользовались составными стрелами. Но вкладышами служили микропластины со скошенным концом и 2-3 сечения пластинок, как продолжение головной части наконечника.

В качестве цельнокремневой формы использовались различные типы изделий: параллелограммы, трапеции, изредка наконечники “зарзийского” типа. Такая типологическая вариабельность цельных наконечников свидетельствует об отсутствии единой традиции их изготовления и использования. Причины этого, вероятно, связаны с культурной поликомпонентностью формирования истайской группы. Так, параллелограммы заимствовались, видимо, у “жекалганцев”. В пользу этого говорит тот факт, что они в подавляющем большинстве изготовлены из жекалганского сырья (светло-серый кремль), что еще раз подтверждает сосуществование этих двух групп. Есть примеры и обратного влияния. На стоянках Же-Калган II и Жол-тубе присут-

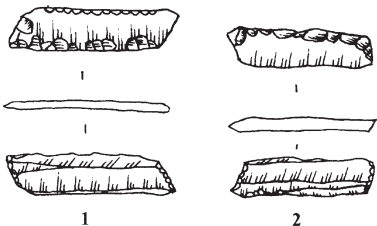
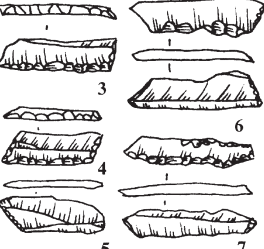
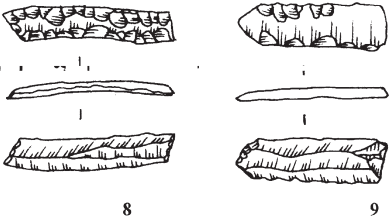
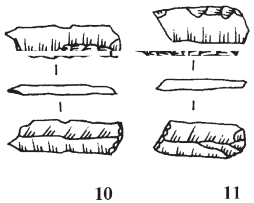
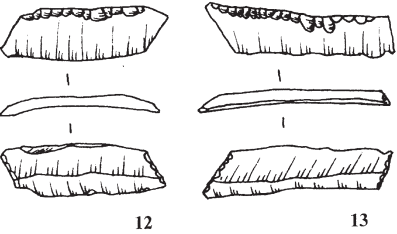

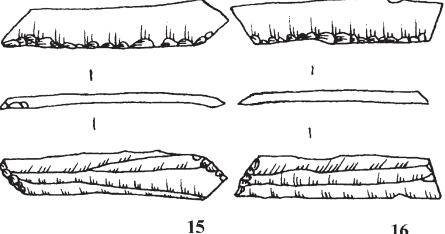
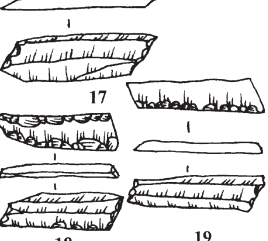
Жол-Тюбе	 <p>1 2</p>	 <p>3 4 5 6 7</p>
Буровая 22	 <p>8 9</p>	 <p>10 11</p>
Кадыр-гали Стау	 <p>12 13</p>	 <p>14</p>
Каир-шак V	 <p>15 16</p>	 <p>17 18 19</p>
	Крупный стандарт	Малый стандарт

Рис.5. Стандарты наконечников.

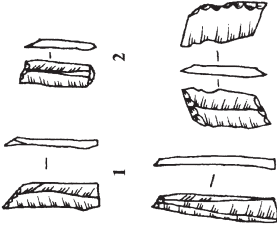
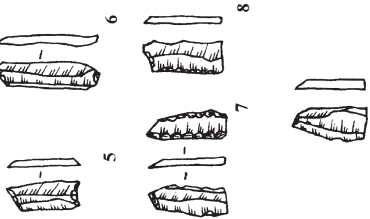
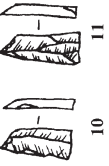

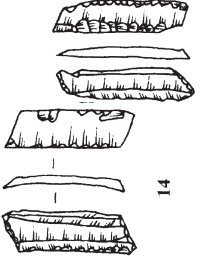

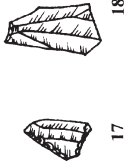

	Истай Vб	Истай Vв	Истай IV	Суек - Тэ
Крупный^с стандарт	 <p>1, 2, 3, 4</p>	 <p>5, 6, 7, 8, 9</p>	 <p>10, 11</p>	 <p>12, 13</p>
Малый^с стандарт	 <p>14, 15</p>	 <p>16</p>	 <p>17, 18</p>	 <p>19</p>

Рис.6. Стандарты наконечников стоянок истайского типа.

Рис.7. Функциональный макроизнос наконечников в мезолите Северного Прикаспия (1-27 - артефакты; 28-34 - экспериментальные орудия).

1-2 - Тау-тубе; 3- 9,13 - Жол-тубе; 10-11 - Же-Калган II; 12,14-19 - Каир-Шак V; 20,21 - Истай Va;Vb; 22-23 - Комбак-тэ; 24 - Суэж-тэ; 25,26 - Истай Vb; 27 - Истай I.

ствуют не характерные для жекалганской группы концевые скребки. Причем, в материалах первой стоянки они изготовлены из сырья истайского типа (темно-серый кремль). Как уже отмечалось, из этого сырья изготовлены столь же не характерные для жекалганцев сегменты с двусторонней обработкой дуги. На стоянке Жолтубе также встречается истайское сырье, из которого изготовлено несколько наконечников. Показательно преобладание среди них характерных истайских форм. И, наконец, ранненеолитические памятники Кугат и Кулагайси и в плане сырьевой базы, и по традиции оформления и использования орудий представляют собой явно смешанное истайско-жекалганское образование. Для них характерно наличие параллелограммов и трапеций в охотничьем инвентаре, концевых скребков, сегментов с одно- и двусторонней обработкой дуги, ступенчатой схемы расщепления камня, но с карандашевидными нуклеусами. Таким образом, предположение о том, что процесс слияния истайской и жекалганской традиций, начинаясь в мезолите, формирует в конечном итоге ранненеолитический пласт, подтверждается. Один из важнейших моментов, стимулировавших процесс слияния традиций, был обусловлен технологическим и бытовым обменом адаптационных средств при охоте на единые объекты, а именно - кулана. О главенствующей роли именно этого млекопитающего свидетельствуют не только единичные находки его костей в комплексах стоянок мезолита, но и то, что он остается таковым на протяжении развития всей сероглазовской традиции. На это указывает и в общем единый для двух групп тип наконечника стрелы - широколезвийный - в разных, правда, вариациях (параллелограмм-трапеция), который эволюционировал от мезолита к неолиту (вкладышевый одиночный, цельнокремневый). Такой наконечник традиционно использовался в степных районах при охоте на крупных копытных. Физический смысл такого оружия в том, что при расширении площади поражения увеличивается сила удара и происходит разрывание краев, что сказывается на тяжести поражения при неглубоком проникновении. Едва ли целесообразно использование подобного наконечника для охоты на водоплавающую дичь, о которой писал А.Н. Мелентьев¹⁰. Специфика промысла степных копытных состоит в сезонном характере организации охоты, так как это сезонно-мигрирующие животные, а Северный Прикаспий был ме-

стом их летовок. На основании этого можно предполагать, что племена степных охотников вынуждены были вести сезонно-кочевой образ жизни. Зимовки же степных копытных, как правило, находились в районе ближайших предгорий¹¹.

Гипотетически можно предположить, что жесткая ориентированность “жекалганцев” и “истайцев” на различные источники кремневого сырья связана и с порайонными различиями в местах зимовок основного объекта охоты (Устюрт, Мангышлак, Предкавказье и, возможно, Предуралье). Не исключено, что дальнейшая разработка этой проблемы, подразумевающая в том числе привязку кремня мезолитических стоянок к его выходам, потребует корректировки и выдвигаемого положения о едином кавказско-переднеазиатском корне истайско-жекалганских культурно-хозяйственных образований. В первую очередь это касается истайской группы, где в различных комплексах наблюдается значительный разброс в стереотипах изготовления и использования орудий, имеющих более широкие аналогии в прилегающих регионах, чем предполагалось ранее. В этом случае заселение данной территории можно будет представить как результат растянутого во времени проникновения различных в генетическом плане коллективов и включения североприкаспийских микроландшафтов в сферу их традиционного охотничьего хозяйства. Сейчас же можно с уверенностью констатировать наличие в мезолите Северного Прикаспия двух одновременно функционирующих систем охотничьего хозяйства. Наиболее вероятной представляется следующая модель их существования и взаимодействия. Первый тип использования охотничьей территории и ведения хозяйства связывается с жекалганской группой памятников. Он отождествляется со скрадыванием степных копытных во время осуществления их пастбищного режима. В этом случае коллектив охотников вынужден был находиться в постоянном движении вслед за стадом. Не случайно их стоянки, как правило, приурочены к пастбищным низинам. О постоянном беспорядочном движении свидетельствует и то, что, судя по инвентарю, стоянки никогда не посещались более одного раза. Общий характер индустрии, нацеленный на производство единственного орудия обрабатывающего комплекса - вкладышевого ножа - определял и основную технологическую задачу получения вкладышей к ним, которые составляют до 80% от

всего их числа. Такой универсальный характер одного орудия, вероятно, можно объяснить предельным упрощением и ускорением цикла первичной переработки охотничьей добычи. Такой ускоренный цикл приводил к деформации как самой технологии, так и функции. Например, практически 60% резчиков комбинированы с вкладышами мясных ножей. Производство вкладышей требовало большого количества довольно широких пластин, что приводило к известному перерасходу сырья. У “истайцев” аналогичный процесс производства и использования орудий более гармоничен и детерминирован он прежде всего четкой хозяйственной организацией, которая заключалась в более регулярной эксплуатации территории. Это отразилось и в “кустовом” характере расположения истайских стоянок, где одно и то же удобное место посещалось неоднократно. Объяснима и их приуроченность к вершинам возвышенностей вблизи соров, так как стратегия охоты, вероятно, заключалась в скрадывании во время водопооя. Такая модель позволяла наладить более организованный цикл производства и использования орудий за счет дифференциации функций отдельных изделий. Если среди жекалганских стоянок нет ни одной, похожей ни по общему количеству изделий, ни по статистическому распределению различных категорий инвентаря внутри комплекса, то истайские стоянки - их полная противоположность. На них число орудий стабильно колеблется от 100 до 150 (180) ед. и статистическое распределение типов также достаточно ровное.

В ходе исторического развития истайская, относительно “стационарная”, модель оказалась более перспективной, и именно она стала доминирующей при формировании культурно-хозяйственного типа североприкаспийского населения в последующую неолитическую эпоху.

¹ Мелентьев А.Н. Мезолит Северного Прикаспия (памятники сероглазовской культуры) // КСИА, 149, М., 1977.

² Мелентьев А.Н. К вопросу датировки позднечетвертичных колебаний уровня Каспийского моря и реконструкции природной среды по археологическим материалам // Природа и человек. М., 1988. С.65.

³ Там же. С.65.

4 **Васильев И.Б., Выборнов А.А., Комаров А.М.** Мезолитические памятники Северного Прикаспия // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1988; **Они же.** Мезолит Северного Прикаспия (итоги и задачи изучения). Свердловск-Самара, 1991; **Козин Е.В., Комаров А.М.** Памятники раннеолитического времени в южной части Волго-Уральских песков // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев, 1989; **Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В.** Неолитическая стоянка Каир-Шак III в Северном Прикаспии // Неолит и энеолит Северного Прикаспия, 1989.

5 **Васильев И.Б., Выборнов А.А., Комаров А.М.** Мезолитические памятники ... С.8.

6 Технологический и трасологический анализы выполнены И.В.Горашуком под руководством Г.Ф.Коробковой.

7 **Васильев И.Б., Выборнов А.А., Комаров А.М.** Мезолитические памятники ... С. 32.

8 **Козин Е.В., Комаров А.М.** Памятники раннеолитического времени ... С.13.

9 **Гиря Е.Ю., Нехорошев П.Е.** Некоторые технологические критерии археологической периодизации каменных индустрий // СА, №4, 1993. С.18-20.

ю **Мелентьев А.Н.** Мезолит Северного Прикаспия. С. 64.

и **Соломатин А.О.** Кулан. М., 1973. Гл.3.

И.В.Горашук

ТРАДИЦИОННОЕ ХОЗЯЙСТВО МЕЗОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО ПРИКАСПИЯ

Новизна предлагаемой работы заключается в анализе результатов применения экспериментально-трасологического метода к материалам мезолитических комплексов Северного Прикаспия. При этом необходимо подчеркнуть преемственность в работе между разработками типологического направления¹ и предлагаемым исследованием, что означает наличие некоторых аксиом уже на стадии определения собственных задач. Такими аксиомами являются следующие результаты типологического сопоставления материалов стоянок: наличие двух культурно-типологических групп в мезолите низовьев волжского левобережья и заключение о самобытности этих стоянок. Обе эти посылки являются отправными в данной статье. В процессе поиска адекватной методики было выработано несколько схем. Исходя из задач данной публикации, в которой характеризуются специфич-